

УДК 338.2(470+571)
ББК 65.050.11(2Рос)
К 69

Е.В. Королюк

Кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой общих гуманитарных, социально-экономических и естественно-научных дисциплин Кубанского государственного университета, г. Краснодар. Тел.: (918) 484 55 22.

Вектор экономической политики современной России

(Рецензирована)

Аннотация. В статье показано, что институционально-хозяйственные условия формирования экономической политики современной России, существующие в кризисной ситуации, определяют приоритетное направление стратегического вектора данной политики и ценность поиска корректных институциональных инструментов модернизации национальной экономики.

Ключевые слова: институциональные условия, тенденции развития, функции, политика, согласование интересов субъектов.

E.V. Korolyuk

Candidate of Economics, Associate Professor, Head of Department of General Humanities, Social-Economic and Natural Disciplines, the Kuban State University, Krasnodar. Ph.: (918) 484 55 22.

The vector of economical policy of contemporary Russia

Abstract. Institutional-economical conditions of formation of economical policy of contemporary Russia, which exist in the crisis situation, determine the priority vector of the strategy of this policy and the value of research of correct institutional instruments for further development of national economy.

Keywords: institutional conditions, trends of development, functions, policy, the coordination of interests of subjects.

Восстановительный рост в экономике России обуславливает естественную активизацию научного интереса к экономической политике. Глубокая рецессия обозначила потребность в существенной коррекции курса, которым следовала национальная экономика. Происходит переоценка тех принципов, которые лежали в ее основании на протяжении завершающегося этапа развития. Новый курс экономической политики формируется во взаимодействии коренных институтов хозяйственной жизни России, прошедших через многие преобразования, и двух доминирующих тенденций современного этапа мирового хозяйственного развития: становления качественно новой системы «экономики, основанной на знаниях», в которой приоритетные позиции занимают человеческий капитал и инновационные нематериальные активы [1]; глобальной интеграции всех национальных, территориальных и отраслевых рынков, экономических субъектов всех рангов и способов организации в состав единого мирового хозяйства.

Раскроем некоторые результаты указанного взаимодействия.

Развитие современной России опирается на механизм извлечения природной ренты. Поскольку экономическая система построена на контроле над территорией (тип «экономики пространства»), то и она сама, и субъекты ее внутренней среды объективно ориентированы на добычу, первичную переработку и продажу ресурсов своей природной

кладовой [2]. Уже в первой половине девятнадцатого века Россия стала крупнейшим экспортером товаров-носителей ренты: леса, руд металлов, зерна, мехов и др. В дальнейшем строительство сети железных дорог и развитие национальной промышленности, с одной стороны, опирались на рентные доходы, а с другой стороны, были ориентированы на поддержку и усиление потоков этих доходов. Сложилась институционально-хозяйственная система, обладающая рентной ориентацией развития.

В советский период рентная ориентация развития России приобрела иную – планово-централизованную форму, в основу которой были положены:

- государственный контроль над хозяйственным пространством и его природными ресурсами. Вертикаль государственной власти обеспечивала приоритетное условие извлечения рентных доходов – монопольную хозяйственную среду;

- государственная собственность на вещественные факторы производства, которая обеспечивала направление потоков ренты в бюджет и внебюджетные фонды, находившиеся в распоряжении государства. При этом индустриальный императив экономической политики России обусловил доминирование промышленной формы ренты;

- административная централизация труда, не позволявшая формальным владельцам рабочей силы избегать «всеобщего труда на государство».

В процессе рыночных преобразований 90-х гг. XX века накопленный в советский период индустриальный капитал был обесценен, а указанные выше основы извлечения промышленной ренты – разрушены. Россия пережила деиндустриализацию, от которой пострадали практически все отрасли хозяйства и территории. Негативные итоги рыночных преобразований обусловили главную проблему политики инновационной модернизации – отсутствие опоры, невозможность обеспечения эволюционной преемственности. Инновациям в экономике современной России негде формироваться.

Вместе с тем, рентная стратегическая ориентация развития осталась, но претерпела редукцию, поскольку произошел переход от промышленной формы ренты к ее сырьевой форме. Как расценивать такое изменение с позиций эволюционной экономической теории? Ответ однозначен – как движение назад, регресс, потерю ранее завоеванных позиций.

Известно, что доходы государственного бюджета и национальные резервные фонды России формируются в основном за счет рентных доходов от добычи и экспорта нефти, газа, древесины, цемента, леса, металлических руд и т.п. Всемирный банк в своем докладе об экономике России (2008 г.) пришел к выводу о четкой корреляции между ценой на сырую нефть марки Brent и параметрами внешнеторгового баланса страны. Приведенная зависимость лежит в основании антикризисной стратегии, которая реализуется в экономической политике страны в условиях выхода из современного глобального кризиса – стратегии ожидания возврата высоких цен на нефть [3]. Данная стратегия может привести к результатам, которые отчуждены от перспективы и не обладают механизмами закрепления.

Рента, в отличие от прибыли, не «зарабатывается» в процессе конкурентного взаимодействия, а извлекается, благодаря занятой рыночной позиции. Она избыточна по отношению к базовым потребностям функционирования и развития воспроизводства, обеспечивая следующие направления экономической политики:

- создание различного рода финансовых резервов; известно, что в современной России рентные доходы от добычи и продажи нефти и газа позволили сформировать национальные резервы, достаточные для покрытия кризисного дефицита государственного бюджета на протяжении нескольких лет;

- «демонстративное потребление» владельцев капитала, приносящего природную ренту; благодаря именно этой форме «канализации» рентных доходов о современной России узнал весь остальной мир;

– социальные программы, формируемые за счет частичного налогового изъятия рентных доходов; в современной России конкретными формами реализации таких программ стали затратные национальные проекты.

Рентный механизм представляет собой один из наиболее древних способов обеспечения материальной жизни людей. Рентная стратегическая ориентация развития обладает огромной инерцией, она укоренена в национальной хозяйственной системе, тяготеющей к типу «экономики пространства», и в этом отношении вряд ли возможно рассчитывать на перемены. Но возможности для изменения экономической политики все же есть, поскольку древо ренты создает различные ветви:

- отношения природной ренты, в основании которой – контроль над пространством и присвоение имеющихся в нем природных ресурсов;
- отношения административной ренты, извлекаемой господствующей над общественным производством бюрократией;
- отношения интеллектуальной ренты, извлекаемой собственниками человеческого капитала [4].

Первые две из указанных выше ветвей переплелись в современной экономической политике страны, формируя негативный для развития страны синергетический эффект. Третья ветвь пока отчуждена от национальной экономики. Изменение характера рентной стратегической ориентации развития экономики России, необходимое для обеспечения ее глобальной конкурентоспособности в условиях становления «экономики, основанной на знаниях», означает преимущественное использование рентных доходов от добычи, первичной переработки и продажи природных ресурсов в целях расширенного воспроизводства человеческого капитала. Но для такого поистине революционного поворота необходима, прежде всего, политическая воля находящихся у власти сторонников подлинной, а не лозунговой модернизации России.

Сугубо пространственные факторы организации экономики России – общая конфигурация, способ пространственной организации хозяйственной системы, характер межрегионального взаимодействия – имеют в ней огромное значение. Соответствующие институты укоренены и активно сопротивляются попыткам замены их на «классические» институты рыночной экономики, опровергая иллюзии радикального преобразования хозяйственной структуры за 10-15 лет.

Г. Мюрдаль, исследовавший попытки модернизации институтов азиатского общества на западноевропейский лад, пришел к выводу о том, что нельзя преобразовать общество, внедрить в него современную технологию, не затрагивая при этом обычаев, традиций, отношения людей к работе, устойчивых социальных стандартов, игнорируя проблему формирования новой дисциплины и выносливости. Простое изменение отношения к труду предполагает радикальное изменение общественных институтов [5], а изменение институтов, в свою очередь, предполагает соответствующее продолжительное изменение параметров среды, контрактных соглашений и форм поведения людей.

Отношение к типу «экономики пространства» означает, прежде всего, приоритет рациональной организации самого хозяйственного пространства, огромную ценность его внутреннего институционального упорядочивания и структуризации. При этом каждый шаг такой структуризации должен обеспечивать дополнительные конкурентные преимущества уже существующим или вновь возникающим территориальным экономическим системам. Выделим следующие типы таких систем:

- традиционная система региона-субъекта РФ, выступающая базовой формой организации хозяйственного пространства и, соответственно, основной ячейкой процессов экономического районирования и административной структуризации России; все остальные формы производны по отношению к ней, возникая на основе дифференциации и интеграции отношений, складывающихся в системе региона-субъекта;
- микро-региональная экономическая система как локализация жизнедеятельности нескольких местных сообществ и соответствующих им хозяйственных структур и

институтов (например, городские агломерации, естественно локализованные в пространстве традиционного региона-субъекта и обладающие уникальными природными ресурсами, элементами инфраструктуры или высоко развитым человеческим фактором). Данная форма выходит за пределы обычного местного хозяйства, что предполагает активное участие в ее развитии государства;

– суб-региональная экономическая система, локализованная в пределах региона-субъекта и развившаяся на основе кластерных образований и особых экономических зон (ОЭЗ). Такая форма обладает конкретной функциональной ориентацией (продовольственной, научно-образовательной, коммуникационной и др.) и вносит существенный вклад в приращение конкурентоспособности экономической системы региона;

– макро-региональная экономическая система как результат интеграционного взаимодействия нескольких регионов-субъектов РФ (например, Южный макро-регион, формирующийся во взаимодействии ряда региональных систем Северного Кавказа и Нижнего Поволжья). В макро-регионе интегрированный характер связей и отношений, складывающихся в региональном пространстве, становится еще и характером отношений между прежде обособленными локальными системами традиционных регионов-субъектов.

В территориальной организации современной России административная форма явно доминирует над социально-экономическим содержанием всех существующих элементов. Политика государства здесь ориентирована на потребности вертикали власти. Результатом такой ориентации может стать потеря прежних и отчуждение от качественно новых конкурентных преимуществ, то есть ухудшение позиций в глобальной конкуренции.

Структурная реорганизация хозяйственного пространства призвана обеспечить необходимый уровень глобальной конкурентоспособности. Любая новация здесь оправдана лишь в той мере, в какой она формирует новые конкурентные преимущества на тех или иных уровнях организации хозяйственных отношений. В данном отношении для экономической политики России перспективны «наукограды», опирающиеся на еще не растроченный потенциал крупных университетских центров, а также субрегиональные локализации наиболее ценных ресурсов и факторов хозяйственного процесса, способные стать «ядрами» развития существующих регионов-субъектов страны.

Завершившаяся индустриальная эпоха продемонстрировала, что «экономический индивид», вошедший в оборот научного анализа и практики со времен А. Смита, стал недостаточен для отражения и понимания многих субъектных форм хозяйственной жизни современного мира. Постиндустриальный мир лишь возвысил эту тенденцию, создав сложнейшие сетевые формы системных, интегрированных субъектов, по отношению к которым «экономический индивид» – лишь элементарная частица разветвленной структуры.

Интегрированный субъект соответствует системной парадигме современной экономической науки и отражает живые формы организации хозяйственных отношений, обладающие устойчивыми потребностями, интересами, механизмами адаптации и, что самое главное, – потенциалом саморазвития.

Интегрированный субъект представляет собой органическую, самостоятельную экономическую систему, которая восприимчива к переменам, складывающимся во внешней среде, и способна их инициировать, используя потенциал своей внутренней среды: например, перемещать наиболее ценные ресурсы из мало продуктивных бизнес-процессов в продуктивные бизнес-процессы, а также создавать качественно новые идеи, контракты, нормы и материальные продукты. Мы имеем дело с особым масштабным субъектом, обладающим огромным потенциалом развития и претендующим на соответствующую форму участия в экономической политике.

Уже в простейшей форме организации интегрированного субъекта – домохозяйстве – проступают его основные признаки:

- собственная вертикаль экономической власти, выстраивающая процесс функционирования и развития всех элементов;
- системная организация отношений собственности, их воплощение в самом интегральном субъекте и эффективное распределение в его внутренней среде;
- способность обеспечивать свое функционирование и развитие за счет собственных результатов деятельности.

Экономическая система страны представляет собой одну из наиболее сложных форм организации интегрированного субъекта хозяйственных отношений, в которую встроена мощная вертикаль государственной власти. Но и на этом эволюционный процесс не останавливается, порождая производные формы интегрированных субъектов:

- во внутренней среде национального хозяйства – отмеченные выше территориальные системы;
- во внешней среде мирового хозяйства – мета-системы, включающие в себя международные экономические организации, ТНК, союзы и интеграционные объединения национальных хозяйств.

Поскольку интегрированные субъекты формируют в своей внутренней среде определенную иерархию устойчивых отношений, то к ним применима современная теория контрактов. Исследуя институциональные результаты эволюции рыночных сделок, О. Уильямсон пришел к следующим взаимосвязанным выводам:

- в процессе развития рынка безликая контрактация уступает дорогу двусторонней контрактации, в которой складываются устойчивые пары контрагентов, происходит устойчивая спецификация активов и «притирание» друг к другу субъектов постоянно воспроизводящихся контрактных отношений;
- в свою очередь, двусторонняя специфицированная контрактация уступает дорогу внутренней организации отношений, обладающей иерархией и способностью «разрешения проблем», встающих перед субъектами рыночных сделок [6].

В основе указанных преобразований лежат потребности самих участников рыночных сделок в упорядочивании своих отношений и снижении рисков. Во всех случаях, когда их активы становятся специфическими, то есть «притираются» друг к другу, формируют устойчивые и эффективные комбинации, возрастает степень неопределенности. Соответственно, возрастает потребность в формировании участниками хозяйственных отношений специального механизма «разрешения проблем», то есть потребность в особом системном интегрированном субъекте, обладающем внутренней иерархией, собственностью и потенциалом саморазвития. Такие субъекты претендуют на определенную форму участия в упорядочивании и развитии внешней среды своего существования, и их претензии невозможно оставить без внимания.

В последние годы в мировом хозяйственном пространстве рядом с прежним «всемогущим» институтом государственной власти возникли многообразные формы интегрированных субъектов: мощные холдинги и малые хозяйственные организации, территориальные экономические системы и местные хозяйства, международные экономические объединения и некоммерческие организации.

Единство многообразия таких форм интегрированных субъектов заключается в наличии значительного потенциала участия в эволюционном процессе, что предполагает включение их в процесс формирования и реализации экономической политики. Нарастающая региональная поляризация, хронический дефицит собственных финансово-инвестиционных ресурсов, феномен «экономики физических лиц» – эти и многие другие проявления свидетельствуют о том, что потребности и потенциал развития интегрированных субъектов остаются вне поля экономической политики [7].

Для перспективной конфигурации экономической политики, предполагающей активное участие интегрированных субъектов, необходимы качественно новые

механизмы и институты, в том числе широкая общественная экспертиза стратегически ориентированных проектов; общественные палаты на всех уровнях организации социально-экономических отношений; территориальные и местные референдумы и др. [8].

Примечания:

1. Эдвинссон Л. Корпоративная долгота. Навигация в экономике, основанной на знаниях. М.: ИНФРА-М, 2005. 248 с.
2. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. М.: Прогресс, 1992. 432 с.
3. Доклад об экономике России / Внешнеэкономический сектор, торговый баланс. URL: <http://www.worldbank.org.ru>.
4. Ермоленко А.А. Интегральный субъект в лице современной России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. Т. 6, № 4. С. 34-40.
5. Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира» (Asian Drama). М.: Прогресс, 1972. – 668 с.
6. Уильямсон О. Экономические институты капитализма. СПб.: Лениздат, 1996. 284 с.
7. Дзарасов Р.С., Новоженев Д.М. Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. М.: УРСС, 2009. 218 с.
8. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 128-156.

References:

1. Edvinsson L. A corporate longitude. Navigation in the economy basing on knowledge. M: INFRA-M, 2005. 248 p.
2. Brodel F. Time of the world. A material civilization, economy and capitalism of the 15-18th centuries M: Progress, 1992. 432 p.
3. The report on economy of Russia. The external economic sector, trading balance. URL: <http://www.worldbank.org.ru>.
4. Ermolenko A.A. The integrated subject in the name of modern Russia // The Economic Bulletin of the Rostov State University. 2008. V. 6, No. 4. P. 34-40.
5. Myrdal G. Modern problems of “the third world” (Asian Drama). M: Progress, 1972. 668 p.
6. Williamson O. Economic institutes of capitalism. SPb.: Lenizdat, 1996. 284 p.
7. Dzarasov R.S, Novozhenov D.M. Large business and capital accumulation in modern Russia. M.: URSS, 2009. 218 p.
8. Ortega-and-Gasset H. Mass uprising // Questions of Philosophy. 1989. No. 3. P.128-156.